

Частичкою души историю храня

80 лет назад - о голодоморе на Кубани

Голодомор 1932 – 1933 гг. – одно из самых трагических и значимых событий российской истории советского периода. Особенно тяжело он отразился на восточнославянском населении Юга России, Поволжья, Казахстана, Украины. Огромный размах принял и на Кубани.

Массовый голод стал следствием целенаправленной политики Советского государства, инициативой его ведущих руководителей: И.В. Сталина, В.М. Молотова, Л.М. Кагановича, А. И. Микояна. Она была направлена на то, чтобы сломить сильных, самостоятельных и зажиточных земледельцев важнейших зерновых районов Советского Союза. Решения о фактической организации голода принимались важнейшими органами власти, как на общесоюзном, так и на местном уровнях. Значительную часть сельского населения нескольких регионов сочли нужным уничтожить физически. Другую – обессилить и запугать. Так же голод и репрессии должны были способствовать разрушению традиционного уклада деревни, который, по мнению руководителей советского государства, тормозил модернизацию страны. Непосредственной целью организованного голода и репрессий было подавление попыток сопротивления крестьянства и казачества процессу коллективизации сельского хозяйства, разгрома частнособственнического элемента села, разрушение социальной структуры казачества, которая имела значительный потенциал для антисоветской борьбы.

Эта политика была реализована в результате тотального изъятия у населения всего продовольствия, внесудебных высылки и расстрелов, блокирования военной силой населённых пунктов и ликвидации в них торговой сети. При этом земледельцам было запрещено покидать голодающие районы. Непосредственно репрессии осуществляли местные органы ОГПУ и внесудебные тройки, уполномоченные по хлебозаготовкам и политотделы МТС, коллективизаторы-двадцатипятидесятники и местные комитеты содействия («комсоды»). Точное количество жертв голода неизвестно. Разные источники называют по Кубани цифру **от 400 000 до 800 000 тысяч человек**.

Акции по изъятию продовольствия имели исключительно карательный характер, а вовсе не преследовали цели восполнения недостающего на нужды индустриализации зерна, как о том твердила советская пропаганда. Само изъятие сопровождалось откровенным садизмом, который выражался как в моральной, так и физической форме (демонстративное глумление над голодающими, изощренные пытки и убийства). Зачастую станичники лишались также предметов первой необходимости: одежды, постельного белья, сельскохозяйственного инвентаря. Семьи оставшихся в станицах «кулаков» изгонялись из собственных домов, что являлось абсолютной гарантией скорой смерти. Свидетели ряда станиц подтверждают фактически полное их очищение от взрослого мужского населения, высланного или физически уничтоженного во время голодомора. Не удивительно поэтому, насколько откровенным был производ «комсодов», не встречавший практически никакого сопротивления со стороны деморализованных кубанцев.

(Из обзорного очерка И. Васильева, А. Зудина

«Голодомор» на Кубани 1932–1933 г. в исторической памяти очевидцев», 2010 г)

Воспоминания о голоде 1932-1933 гг. в ст. Надежной Алексея Васильевича Куликова, жителя станицы, 1912 года рождения (в настоящее время ему исполнился 101 год)

В семье нас было четверо. Я, мой младший брат Андрей, 1919 г. р., мать Аксинья Федоровна, и отец Василий Григорьевич Куликов, Девичья фамилия матери – Шахова.

В 1921 году отец умер от холеры и мы остались втроем. Голод нас застал, когда мы жили в Надежной на «Сопотовке». В 1932 году мать вышла замуж за Григория Федоровича Шевченко (у него умерла жена и осталось пятеро детей). Теперь уже семья состояла из 9 человек. Мы трое пришли к ним нищие. У нас была корова, но ее украл Михаил Заварзин. Подкараулил, когда мать уснет, залез через окно. Отчим уснул раньше. Тихо зарубил мать топором и увел корову. Вскоре его забрала опергруппа (говорят: расстреляли).

В период голода, осенью 1933 г. умер от голода и отчим. Нас содержал старший сын. В 1933 году я работал конюхом в колхозе «Трудовой Кавказ». Лошадям давали овес, а я часть привозил домой. А после работы мы шли по огородам и собирали зерна кукурузы после раскопок ГПУшников. Основной едой была крапива и ее корни. Еще мне доставалась краденая мною в карман жменя кукурузы, но это было уже по весне, во время весеннего сева.

Если дошли лошади, то люди сразу же разделывали и съедали мясо и внутренности.

Нам некому было ходить в ст. Зеленчукскую за питанием (все были малолетки). *(Исторические факты свидетельствуют, что у горцев продукты властями не изымались)*

– прим. автора) Тогда в Надежной уже было образовано пять колхозов: «Трудовой Кавказ», им. Буденного», им. Ворошилова.....

В голод каждый колхоз выделял по 1-2 подводы и 2-3 человека молодых ребят для отвоза на кладбище умерших от голода людей. Там было вырыто две больших ямы. В день делали 2-3 отвоза. Сегодня - это могила павшим в годы голода. Никто не знает, сколько там покоится людей, по моему мнению, 2 тыс. человек, так как в станице из 10 тысяч человек осталось 8 тысяч, а никто не уезжал (не давали разрешения Советы). Да разве можно было прожить на жигуке, грициках, корнях и цветах орешника (сопляках-браках) – так мы их называли.

За время голода точно знаю, что ни одной свадьбы в станице не было. Летом 1933 года голода уже не было, появились лепешки, правда, в них добавляли опилки из липы. Затем войну прошел. Так и дожил я до 101 года.

Воспоминания о голоде 1932-1933 г.г. в ст. Надежной ныне в здравии жителя Василия Ивановича Неделькина, 1924 года рождения

Голод начался осенью 1932 года, скажу сразу: ели и пили все то, что было под ногами. Жигуку (крапиву) ели с корнями. Рано утром проснешься, а по станице то тут, то там слышны страшные крики, плач людей. Это значит, уже кого-то забрали за укрывательство продуктов. Забирал «комсод» всех и женщин и детей. Мать несколько раз

носила в к горцам, в станицы Зеленчукскую и Кардоникскую, тряпье, а оттуда однажды за световой день принесла ведро картошки. Один раз за весь голод мы и наелись. Один раз я ходил с матерью в Зеленчукскую. По дороге насмотрелся: многие поедали обменянное и тут же умирали. Дорога была усеяна трупами людей. Туда же ходили менять тряпье на продукты и жители станиц Подгорной, Спокойной, Бесстрашной и даже Каладжинской.

Отец мой, Иван Федорович Неделькин, после революции был на стороне белых. В 1924 году его расстреляли. В самый голод забрали и мать. Мы остались с братом Иваном. Жили на подножном корме - жигуке и ходили ямки разгребали после ГПУ, найдешь штук десять кукурузных зернышек и радуешься.

В 1934 году мать пришла с четырьмя женщинами – убежали с «Белой губы» Кольского полуострова. А в 1937 году ее вновь забрали. В 1939 году мать сбежала и пришла в Надежную. Но никогда и ничего нам не рассказывала.

В голод умирали в день по несколько десятков человек. Людей забирали и увозили на кладбище. У нас умерла соседка Настя Долженко, а дочь Марфа уже не могла и плакать. Забрали и ее, чтобы второй раз не приезжать. Крючком, которым сено дергали, цепляли за бороду (челюсть) и на бречку, а там сваливали в яму.

Помню, по ул. Речной жил Алексей Богданов. Около его двора сел отдохнуть парень. Он шел из Малотегинки к матери. Мать, Овсянникова жила одна. Он потерял сознание. Его забрали и в могилу отвезли, сбросив вместе с умершими. Ночью он очнулся, увидел звезды на небе. Вылез из могилы и пришел к Паране Коваленко (одна жила тетка) и вновь отключился. Потом мать Овсянникова его забрала и он жив был еще лет двадцать.

Если бы не моя мать, Наталья Никифоровна Неделькина (девичья Петренко), 1906 года рождения, тогда в 1934 году не пришла, я бы умер. Еще долго умирали люди после голода.

А куда же делись те, кто у людей забирал продукты? – Комсод ушел на хутор Щелканку. Активисты Студеника и Щетина умерли в 1937 году в Надежной. Павло Курочкин до 1937 года жил в ст. Надежной. Однажды он стрелял на кургане из револьвера и выбил себе глаз. На фронт ВОВ не пошел. Умер в тюрьме г. Армавира. Там же был убит и Масалов – судья Спокойненского района.

Помню, Масалов пришел в Совет, стал на крыльцо и кричит на конюха: «Федот, запрягай «Ветерков» (коней), поедем в колхоз им. Ворошилова. Там был полон двор людей (их согнали для приговора). Еще не доехали они до толпы, но увидели людей. Масалов кричит: «Федот, поворачивай назад! Всем по 10 лет!» В этот же день погрузили их на бречки и увезли, никто не знает куда.

И еще. Неделько Ирина жила одна с четырьмя детьми. Ушла в ст. Зеленчукскую за продуктами. Пришла, а детей уже двое осталось. За 2 дня умерли Ваня и Наташа (их увезли на кладбище). Вскоре умерла и мать. Остались Мария и Василий. Их, правда, забрали бездетные дед и бабка Носачевы. Позже Мария Романовна была учительницей в ст. Надежной, а Василий Романович - горным инженером.

Как-то у меня спросили: было ли людоедство во времена голода? Конечно! Шатравко (мать), не помню, как ее звали, она съела двоих своих детей, а третий убежал. Так вот в Совете, ее, совсем обезумевшую, вывели на крыльцо, где собрались люди. Председатель и кричит: «Вот, полюбуйтесь, мать съела двоих своих детей». О ее поступке никто ничего не сказал. Все стояли молча. Тут же увезли ее, никто не знает, куда.

А Левка Струев (лет сорока), он не дурак, а нормальный человек. Жил один, все родственники умерли. Так он, чтобы выжить, ел свой помет. Потом еще долго детей пугали за непослушание: «Не ходите туда, а то Левка вас съест!»

Только летом 1933 года с едой стало лучше. Уродила кукуруза. Ее-то в основном и ели в любом виде. В садах появились груши и яблоки, стали ловить рыбу в реке Малый Тегинь. Начала расти молодая картошка ...

В 1935 году я выучился на тракториста, потом в войну был на фронте. Так и живу. Контуженный, на мне лица нет, а вот уже 89 с половиной лет живу. Не дай бог ни голода, ни войны! 67 лет живем без войны, и слава Богу!

Записал В. Чесноков,

житель ст. Надежной, краевед, член районного общества историков-архивистов.

Подготовила Н.Крамчанинова